

**Инструменты социальной архитектуры
в формировании ценностно-мировоззренческих
установок российской молодежи
(на материалах экспертного исследования)**

**Tools of social architecture
in the formation of value and worldview
attitudes of Russian youth
(based on expert research materials)**

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-145-155

УДК 323.2

Получено: 20.01.2026

Одобрено: 22.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Карпова В.В.

Младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований цивилизационного развития России, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», г. Москва

e-mail: vvkarpova@gaugn.ru

Karova V.V.

Junior Research Fellow Center for Interdisciplinary Research on the Civilizational Development of Russia, State Academic University for the Humanities, Moscow

e-mail: vvkarpova@gaugn.ru

Шакирова Д.Ф.

Лаборант Центра междисциплинарных исследований цивилизационного развития России, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», г. Москва

e-mail: dfshakirova@gaugn.ru

Shakirova D.F.

Assistant Center for Interdisciplinary Research on the Civilizational Development of Russia, State Academic University for the Humanities, Moscow

e-mail: dfshakirova@gaugn.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению социальной архитектуры в контексте коммуникаций государственных институтов с молодёжной аудиторией. *Цель исследования* — изучение отечественного опыта использования дифференцированных инструментов социальной архитектуры в процессе формирования ценностно-мировоззренческих установок российской молодёжи в цифровой среде. *Методологией исследования* выступает дискурсивный институционализм, который позволяет изучать динамику развития социальной архитектуры применительно к разным аудиториям и социокультурным контекстам. *В качестве методов* использовались дискурс-анализ, а также экспертные интервью, которые послужили эмпирической основой исследования. *Результаты исследования показывают*, что социальная архитектура в работе с молодёжной аудиторией формируется как системная модель создания доверительных, содержательных и развивающих социальных сред. В отечественной практике фиксируется переход от универсальных, «прямых» методов работы к дифференцированным

решениям, адаптированным к особенностям конкретных социальных групп, прежде всего молодёжи. Инструментарий социальной архитектуры проявляется в трёх взаимодополняющих направлениях: цифровом, инфраструктурном и событийно-смысловом. Социальная архитектура проявляется как стратегический ресурс укрепления доверия, ценностного суверенитета и устойчивости социальных систем. *Теоретическая значимость* работы заключается в том, что формулируется авторское определение социальной архитектуры, которое может быть использовано для фундаментальных исследований данного феномена. *Практическая значимость* исследования состоит в том, что системно описывается и оценивается инструментарий социальной архитектуры, который в рамках задач управления общественно-политическими процессами может применяться в работе с молодёжной аудиторией.

Ключевые слова: государство, социальная архитектура, молодёжь, цифровизация, социальное проектирование, ценностно-мировоззренческие установки.

Abstract

This article examines social architecture in the context of communication between state institutions and youth audiences. *The study aims* to analyze the Russian experience of employing differentiated tools of social architecture in shaping the value-based and worldview orientations of Russian youth within the digital environment. *The methodological framework* of the research is discursive institutionalism, which enables the exploration of the evolving dynamics of social architecture across diverse audiences and sociocultural contexts. The study employs discourse analysis of the informational landscape alongside expert interviews, which serve as its empirical foundation. *The results* of the study indicate that social architecture, when applied to youth audiences, functions as a systemic framework for designing trust-enhancing, substantive, and development-oriented social environments. Current Russian practice demonstrates a transition from universal and direct forms of engagement to differentiated approaches adapted to the specific characteristics of individual social groups, with particular emphasis on youth. The toolkit of social architecture is manifested in three complementary domains: digital, infrastructural, and event- and meaning-based. Overall, social architecture operates as a strategic resource for strengthening public trust, consolidating value-based sovereignty, and enhancing the resilience of social systems. *The theoretical significance* of this work lies in proposing an original definition of social architecture, which can serve as a basis for future fundamental research on this phenomenon. *The practical relevance* of the study consists in the systematic description and evaluation of the social architecture toolkit, which can be effectively applied in engaging youth audiences within the framework of sociopolitical management objectives. **Keywords:** state, social architecture, youth, digital transformation, social design, value-based and worldview orientations.

Введение

Современные государства сталкиваются с беспрецедентными вызовами в сфере обеспечения социокультурного суверенитета и Россия не является исключением. За последние годы в сфере управления общественно-политическими процессами произошли фундаментальные изменения, призванные, в том числе, обеспечить устойчивость государства к внутренним и внешним вызовам, а также минимизации воздействия факторов, которые снижают степень устойчивости и стабильности государственной системы.

В этой связи *актуальной* — как в научном, так и прагматическом плане — стала разработка новой концепции управления общественно-политическими процессами, которая учитывает не только социокультурные реалии России, но и особенности целевых аудиторий, в отношении которых выстраиваются коммуникации государства. Очевидно, что с точки зрения целостности российской государственности, одной из ключевых аудиторий является молодёжь.

В рамках данной статьи *ключевыми рабочими терминами* являются «молодёжь» и «социальная архитектура». В нашем исследовании они понимаются следующим образом.

Молодёжь — социальная группа, чья социализация проходит в условиях цифровой гиперреальности, фрагментации информационного поля и кризиса доверия к традиционным институтам. Традиционные методы управления, ориентированные на краткосрочную мобилизацию и директивную трансляцию смыслов, демонстрируют снижение эффективности при работе с «цифровой молодёжью» или «цифровыми аборигенами» (digital natives). Эта аудитория обладает достаточно развитыми навыками фильтрации контента («баннерная слепота»), что зачастую делает её невосприимчивой к любой агитации.

Социальная архитектура рассматривается преимущественно в контексте деятельности государственных институтов, однако сама концепция носит многоакторный характер и предполагает участие широкого круга субъектов — государства, корпоративного сектора, некоммерческих организаций и гражданских инициатив. В рамках статьи акцент делается на государственном сегменте социальной архитектуры, связанном с молодёжной аудиторией. Предлагаемая в исследовании триада — прогнозирование, ценностное проектирование и реализация социальных действий — представляет собой теоретическое развертывание двухуровневой модели социальной архитектуры, используемой в отечественной практике (социальное моделирование и социальное проектирование). Соответственно, когнитивная, нормативная и коммуникативная функции социальной архитектуры отражают содержательные аспекты этой модели, связывая историческую память, ценности настоящего и образ будущего [17].

Цель исследования — показать, как может быть выстроена социальная архитектура в контексте работы с молодёжной аудиторией. В центре внимания настоящей статьи — российский опыт социальной архитектуры в процессах и проектах, призванных сформировать ценностно-мировоззренческие установки молодёжи в цифровой среде, а также описание и оценка инструментария социальной архитектуры, который при решении управленческих задач может применяться в работе с молодёжью. Работа с ценностно-мировоззренческими установками молодёжи рассматривается как механизм укрепления социальной устойчивости и повышения качества жизни, что соответствует ключевому критерию успешности проектов социальной архитектуры — их реальной пользе для российских граждан.

Обзор научной литературы

Идея *социальной архитектуры*, развивавшаяся в зарубежной научной литературе в контексте темы проектирования онлайн-сообществ [19], за последний год получила активное распространение в российском общественно-политическом и научном дискурсе. В рамках обзора темы нельзя не отметить, что ключевые определения и послы сейчас формулируются, главным образом, в публичных дискуссиях экспертов и на профессиональных мероприятиях [16].

Контекст научной дискуссии и ориентиры для более прагматического осмысления социальной архитектуры задают представители органов государственной власти. Так, например, в статье руководителя Управления Президента РФ по мониторингу и анализу социальных процессов А.Д. Харичева [11] социальная архитектура рассматривается как комплексная деятельность по проектированию социальных структур, моделированию коммуникаций и прогнозированию общественных настроений. Акцент делается на обеспечение управляемости социальных изменений.

А.А. Борисенков, А.В. Макарова и М.А. Лайкова рассматривают социальную архитектуру как новое направление внутренней политики, подчеркивая, что социальные архитекторы выступают в качестве специалистов, задачей которых является не разрешение ситуативных вопросов, а системная работа с ценностями, идентичностью и легитимностью, выстраиванием доверия общества к государственным институтам [1].

Поскольку институционализация социальной архитектуры как новой парадигмы управления происходит параллельно с формированием пула специалистов в этой области (социальных архитекторов), довольно значительное внимание уделяется их компетентностным профилям. На основе контент-анализа М.В. Плотникова и А.С. Гагарин

[9], определяют ключевые характеристики социального архитектора, который является специалистом, «...ориентированным на создание устойчивых и эффективных решений для общества... не ограничивается простым реагированием на запросы», он «активно формирует будущее посредством стратегических проектов и общественных инициатив», способен «... выстраивать ценностно ориентированные коммуникации, проектировать устойчивые социальные связи и формировать нарративы» [9, с. 261].

На роль социальной архитектуры в конструировании идентичности указывает Л.В. Шарахина, определяя её как политическую технологию формирования гражданского нарратива [13]. Также акцентируется внимание на потенциале и стратегическом характере социальной архитектуры: по мнению исследователей, она «... позволяет сформировать коммуникативную инфраструктуру системных двусторонних политических и социальных коммуникаций вне зависимости от электоральных циклов, что обуславливает их стратегический характер» [14].

Исследуются и конкретные практики социальной архитектуры, например, в корпоративном секторе. В этом отношении можно обратить внимание на материалы доклада Е.Н. Минченко и О.В. Полетаева [8], который посвящён распространению практик социальной архитектуры в 10 российских компаниях, где сами компании рассматриваются в контексте их потенциала для формирования социальной среды, ценностных ориентиров и коллективных идентичностей. Аспекты восприятия социальной архитектуры и как такового института в качестве потенциальной общественной инновации среди экспертов рассматривают Ю.И. Шелистов и М.С. Филь [15].

Помимо работ, непосредственно посвященных социальной архитектуре, в научной литературе активно разрабатываются смежные области, такие как цифровая социализация молодежи [3, 7, 10], стратегические коммуникации государства в цифровой среде [5], социальное и политическое проектирование [2], а также ценностный суверенитет в условиях цифровизации [4, 6, 12]. Эти исследования дополняют понимание инструментов и механизмов, которые могут быть использованы в рамках социальной архитектуры

В целом, можно заключить, что теоретическое осмысление феномена социальной архитектуры пока ещё находится в стадии становления, несмотря на то, что уже существует ряд дефиниций и работ, которые подчеркивают тесную связь концепции социальной архитектуры и социальной практики, которую она призвана и описывать, и трансформировать, являясь одновременно элементом и научного, и публичного дискурса.

Методы

Учитывая обозначенный выше сложный, формирующийся, дискурсивный характер социальной архитектуры, перспективной *методологией исследования* на текущем этапе развития феномена, на наш взгляд, является *дискурсивный институционализм* [18].

Использование данного подхода в сочетании с *дискурс-анализом* информационного поля, где озвучиваются позиции экспертов и основных акторов общественно-политических процессов, позволяет нам фиксировать динамику развития социальной архитектуры применительно к разным аудиториям и социокультурным контекстам.

Эмпирическую базу исследования составила серия *глубинных полуструктурированных интервью с экспертами* (N=10), проведенная осенью 2025 г. Выборка формировалась методом «снежного кома» и включала представителей трех профессиональных групп:

1. Практикующие политические консультанты, политтехнологи и стратеги, работающие с федеральными и региональными общественно-политическими кампаниями, и проектами.
2. Политологи, социологи, представители академического сообщества, исследовательских институтов, некоммерческих организаций и социологических центров.
3. Представители органов государственной власти, руководители общественно-политических проектов, специалисты в сфере PR и GR.

Гайд интервью включал блоки вопросов, посвященных дефиниции социальной архитектуры, анализу эффективности цифровых и офлайн-инструментов социальной архитектуры, в том числе применительно к молодёжной аудитории. Обработка данных производилась путем выделения ключевых смысловых кластеров.

Результаты анализа

Критерии структурирования социальной архитектуры

Как было отмечено ранее, в качестве методологии исследования был определен дискурсивный институционализм. Это значит, что мы рассматриваем *социальную архитектуру и её инструментарий* прежде всего, как *дискурс*, а также как *совокупность практик управления* общественно-политическими процессами, которые направлены на институционализацию новых смысловых рамок — идей, нарративов, ценностей в структуре социального управления и работы с конкретными целевыми аудиториями (в нашем случае с молодёжной аудиторией).

Полученные данные подтверждают возрастающую значимость молодёжной аудитории как ключевого сегмента социальной архитектуры. Эксперты отмечают, что именно в молодёжной среде наиболее отчётливо проявляются последствия цифровой трансформации, влияющие на механизмы восприятия информации, способы формирования идентичности и структуру поведенческих практик. Молодёжь характеризуется высокой степенью медиатизированности, сложностью ценностных профилей, низкой устойчивостью к традиционным формам агитации и выраженным запросом на подлинность коммуникации со стороны государства. Выявленные особенности требуют применения «нишевых» решений, ориентированных на создание доверительных сред и многоуровневой смысловой поддержки.

Изучение и оценка экспертных позиций позволили структурировать *инструментарий социальной архитектуры* в три взаимодополняющие группы: цифровые, инфраструктурные и событийно-смысловые. Цифровой блок демонстрирует наиболее высокую динамику развития и превращается в пространство конструирования социальной реальности, где нативные форматы — видеоигры, сериалы, музыкальные треки, развлекательный контент — выполняют роль каналов «мягкой» трансляции ценностей. Инфраструктурные инструменты формируют среду повседневных практик, конвертируя социально значимые установки в удобные и выгодные модели поведения. Событийно-смысловые инструменты усиливают механизмы идентификации и сопричастности, обеспечивая эмоциональное проживание ценностей через офлайн-сообщества, волонтерство и *phygital*-форматы.

Выявленные *механизмы воздействия социальной архитектуры* могут быть описаны как последовательность четырёх взаимосвязанных процессов: информационного (вовлечение и первичное внимание), социально-поведенческого (формирование устойчивых привычек), коммуникативно-идентификационного (укрепление горизонтальных связей и чувства принадлежности) и ценностного (фиксация устойчивых мировоззренческих установок). Целостность этих механизмов обеспечивает переход от краткосрочной мобилизации к устойчивому формированию лояльности и доверия.

Одновременно были выявлены и *ограничения, влияющие на эффективность социальной архитектуры*: риск имитационности в условиях отсутствия реального содержания, семантический разрыв между государственным дискурсом и культурными кодами молодёжи, зависимость от алгоритмов цифровых платформ, а также тенденция к потребительскому восприятию инфраструктурных проектов. Эти риски подчёркивают необходимость согласованности инструментов, обеспечения прозрачности коммуникаций, создания реальных возможностей для участия и развития компетенций «культурных переводчиков», способных адаптировать государственные нарративы к логике молодёжной среды.

В интегральном виде результаты анализа позволяют заключить, что социальная архитектура формируется как стратегический ресурс обеспечения ценностного суверенитета и долгосрочной устойчивости общества. Сочетание цифровых, инфраструктурных и событийно-смысловых практик, объединённых в единую средовую экосистему, создаёт

основу для формирования у молодёжи устойчивых мировоззренческих рамок, повышения доверия к государственным институтам и воспроизводства согласованного образа будущего в условиях стремительных социокультурных и технологических изменений.

Социальная архитектура и молодёжная аудитория

Прежде всего, следует подчеркнуть, что изучение молодёжной аудитории в рамках настоящего исследования представляет собой частный, но показательный сегмент широкой российской модели социальной архитектуры. В отечественной концепции социальная архитектура применяется ко всем ключевым социальным группам, однако именно молодёжь демонстрирует наиболее явные изменения ценностных установок и медиаповедений в условиях цифровой трансформации. Поэтому фокус на молодёжной аудитории позволяет наиболее полно выявить действие средовых, ценностных и коммуникационных механизмов социальной архитектуры, не выходя при этом за пределы её общей многоакторной и многоуровневой логики.

В случае молодёжной аудитории экспертный анализ показывает, что она не является единой социальной группой. И здесь инструментарий социальной архитектуры должен быть избирательным, чтобы обеспечить необходимую «архитектуру доверия», усваиваемость транслируемых государством ценностей и нарративов. Далее, как в случае с общим концептуальным посылом социальной архитектуры, для обеспечения доверия необходима не ситуативная социальная мобилизация, а долгосрочное формирование социальной среды.

Опрошенные эксперты отмечают, что происходит фундаментальная перемена в самом инструментарии, в методах работы с молодёжной аудиторией — от директивности к формированию коммуникационных сред. Молодые люди сегодня не восприимчивы к традиционным форматам агитации и мобилизации, их критическое восприятие и «баннерная слепота» превращают эти форматы в «информационный шум». Поэтому эффективной здесь будет работа по встраиванию важных для государства ценностей и смыслов в нативные форматы потребления контента, создание коммуникационной и социальной инфраструктуры, где ценности патриотизма и задачи развития страны будут увязываться с возможностями развития молодых людей, их личным успехом.

Инструменты социальной архитектуры: типология и оценка

На основе проведённого анализа экспертных мнений была разработана *классификация инструментов социальной архитектуры*, применяемых в работе с молодёжью. Эксперты выделяют три основные группы, оценивая их эффективность и специфику воздействия: цифровые, инфраструктурные и событийно-смысловые, каждый из которых формирует собственный вектор воздействия на социализацию и ценностное самоопределения молодых людей.

1) Цифровые инструменты. Наиболее динамично развивающимся остаётся цифровой блок, в рамках которого цифровая среда превращается в пространство конструирования социальной реальности. Эксперты указывают на растущую роль нативных форматов, видеоигр, сериалов, музыки, развлекательного контента, в качестве каналов мягкой трансляции смыслов: *“Такой контент позволяет обходить фильтры «баннерную слепоту», воздействуя на эмоциональном уровне. Прямая дидактика и назидательный тон здесь не работают; смыслы «семья», «история», «героизм» должны быть органично вплетены в качественный сторителлинг и визуальный ряд”*.

Подобные форматы позволяют обходить фильтры критической оценки и обеспечивают эмоциональную идентификацию с ценностными нарративами, что соответствует логике «умных» цифровых экосистем, описанной в современных исследованиях технологического суверенитета и цифровых трансформаций.

Параллельно усиливается значение платформенной среды: Telegram, VK, Rutube и другие платформы становятся местом повседневной социализации, где государственный контент должен конкурировать по качеству, стилю и темпоральности с продуктами

глобальной цифровой культуры. Эксперты косвенно указывают на роль алгоритмов рекомендательных систем как инструмента социальной архитектуры, позволяющего формировать «информационный пузырь» пользователя, насыщая его просоциальным и конструктивным контентом, вытесняя деструктивные нарративы. Таким образом, большинство экспертов признают цифровую среду доминирующей для современной молодёжи, однако подчеркивают необходимость смены подходов к работе в ней.

2) Инфраструктурные инструменты. Инфраструктурный блок инструментов демонстрирует иной тип воздействия, он формирует условия, в которых просоциальное поведение становится удобным, выгодным и социально поощряемым. Примером эффективного сервисного подхода является «Пушкинская карта», которая институционализирует ценность культурного участия через удобный цифровой продукт, создающий для молодёжи привлекательный пользовательский опыт. *“В данном случае государство не принуждает к потреблению высокой культуры через лекции, а устраняет экономический барьер, предоставляя удобный цифровой сервис”.* Аналогично, внедрение игровых механик и соревновательных элементов, геймификации, применяемые в конкурсах «Большая перемена» и проектах Президентской платформы «Россия — страна возможностей», позволяют соединять ценностные установки с конкретными траекториями социального лифта. Эксперты отмечают, что прозрачные правила игры и четкая система вознаграждений (путешествия, гранты, стажировки) эффективно канализируют энергию молодёжи в конструктивное русло, формируя установку на то, что успех в России возможен благодаря таланту и труду. Однако при этом, часть экспертов предупреждает о рисках имитационности, при отсутствии реальных возможностей любые игровые форматы превращаются в карго-культовое воспроизводство.

3) Событийно-смысловые инструменты. Событийно-смысловой блок демонстрирует важную тенденцию — «ренессанс офлайна», при котором крупные офлайн-форматы становятся пространствами социальной терапии, преодоления разобщённости и формирования чувства общности - *“Живое общение становится для «цифровых аборигенов» дефицитным ресурсом и роскошью”.* Фестивали, форумы, волонтерские слёты (Таврида, Всероссийский фестиваль молодёжи и др.) обеспечивают молодёжи эмоционально насыщенный опыт сопричастности, который усиливает гражданскую идентичность гораздо эффективнее, чем традиционные мобилизационные практики. *“Создание горизонтальных связей и чувства причастности к большому сообществу («мы — свои») работает на формирование гражданской идентичности эффективнее, чем любые лозунги”.* Особое значение приобретает digital-интеграция: цифровые траектории вовлечения должны завершаться реальными действиями, что обеспечивает глубокое проживание ценностей и трансформацию установок. Дополнительным инструментом формирования смыслового пространства выступает создание символических «мест силы» — культурных кластеров, музейных комплексов и пространств репрезентации будущего, которые усиливают национальную идентичность через эстетический и эмоциональный опыт. *“Эти пространства визуализируют образ будущего и достижения страны, вызывая чувство гордости через «вау-эффект» и эстетическое переживание”.*

Интегральный анализ полученных результатов позволяет утверждать, что *социальная архитектура* выступает стратегическим инструментом формирования ценностного суверенитета, сопоставимым по значимости с технологическим и цифровым суверенитетом, о которых говорится в современных исследованиях политического развития государств в условиях цифровых трансформаций. Именно сочетание цифровых, инфраструктурных и событийно-смысловых практик позволяет государству формировать устойчивые мировоззренческие рамки, обеспечивать доверие молодёжи и институционализировать ценности в быстро меняющейся культурной и технологической среде.

Выводы

По итогам исследования можно сделать следующие выводы о реализации социальной архитектуры в молодёжной политике:

Во-первых, социальная архитектура проявляется как системный механизм работы со смыслами, средами и социальными практиками, направленный на формирование устойчивых ценностно-мировоззренческих установок. Она опирается на когнитивные, нормативные и коммуникативные функции, которые обеспечивают целостность процессов взаимодействия государства и общества в новых социальных условиях.

Во-вторых, молодёжная аудитория демонстрирует наиболее выраженную чувствительность к изменениям в информационной среде, форматам коммуникации и способам конструирования идентичности. Поэтому именно в этой группе наиболее отчётливо проявляется необходимость перехода от прямых, мобилизационных методов к средовым, дифференцированным и длительным моделям работы.

В-третьих, выявленные в ходе исследования инструменты социальной архитектуры формируют три связанных направления воздействия: цифровое, инфраструктурное и событийно-смысловое. В совокупности они задают не только каналы коммуникации, но и условия, в которых формируются практики участия, модели поведения и эмоциональная связанность с сообществом и государственными институтами.

В-четвёртых, механизмы действия социальной архитектуры проявляются как последовательность процессов: от первичного вовлечения до формирования устойчивых ценностных ориентаций. Это подтверждает её стратегическую природу и указывает на необходимость сочетания информационных, поведенческих и идентификационных подходов при разработке социальных проектов.

В-пятых, полученные данные позволили выявить ряд ограничений, которые могут снижать эффективность социальной архитектуры: несоответствие используемых форм коммуникации ожиданиям аудитории, риск имитационности в условиях недостатка содержания, а также уязвимость цифровых инструментов к внешним технологическим и алгоритмическим факторам. Эти ограничения требуют развития новых компетенций и более тонкого учета социального контекста.

В-шестых, совокупность выявленных характеристик подтверждает, что социальная архитектура может выступать долгосрочным механизмом повышения социальной устойчивости и формирования согласованных нарративов развития. Она создаёт условия для более глубокого включения молодёжи в общественно-политические процессы и способствует укреплению доверия при условии системности, содержательности и устойчивости реализуемых практик.

Таким образом, представленные результаты исследования дополняют текущую отечественную модель социальной архитектуры, демонстрируя её перспективные направления, в частности, в области работы с молодёжной аудиторией в цифровой среде. Полученные результаты согласуются с принципами отечественной модели социальной архитектуры, ориентированной на повышение качества жизни и человеческого капитала, а также создание долгосрочных сред доверия.

Благодарности

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ, тема № FZNF-2025-0028 *«Использование инструментов социальной архитектуры в формировании ценностно-мировоззренческих установок «цифровой молодежи»: российский опыт»*.

Литература

1. Борисенков А.А., Макаров А.В., Лайков М.А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока // Вопросы политологии. - 2025. - Т. 15. - № 3 (115). - С. 823-832.
2. Гаджиев Х.А., Шушпанова И.С. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. - 2023. - № 3. - С. 154-169.
3. Гришаева С.А., Шамаев П.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. - 2022. - Т. 5. - № 1. - С. 25-35.
4. Дегтерев Д.А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2022. - Т. 22. - № 2. - С. 352-371.
5. Ежова Е.Н., Заможных Е.А., Побединская Е.А. Взаимодействие органов власти с целевыми группами: трансформация коммуникационных технологий в эпоху цифровизации (региональный аспект) // Коммуникология. - 2022. - №10 (1) - С. 155-165. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-155-165.
6. Карпова В.В. Социальная архитектура как инструмент формирования ценностно-смыслового пространства цифровой молодежи в России // Россия и мир в первой четверти XXI века: политические итоги и перспективы: материалы Всероссийской ежегодной конференции РАПН с международным участием / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. - М., 2025. - С. 310-314.
7. Кондакова А.А. Ценностные ориентации современной молодежи и их роль в формировании молодежной политики Российской Федерации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2023. - № 2 (10). - С. 116-122.
8. Минченко Е.Н., Полетаев О.В. Социальная архитектура в российских компаниях [Электронный ресурс]. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Doklad_o_luchshih_praktikah_kompanii_v_sfere_sots_arhitektury.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
9. Плотникова М.В., Гагарин А.С. Понятие «социальный архитектор» в социально-политической коммуникации (по данным контент-анализа экспертных комментариев) // Политическая лингвистика. - 2025. - № 3 (111). - С. 258-263.
10. Свистунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. - 2025. - Т. 25. - № 2. - С. 496-511. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511.
11. Харичев А.Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего // Блокнот гражданского просвещения. - 2025. - № 12. - С. 4-10.
12. Шакирова Д.Ф. Особенности применения технологий искусственного интеллекта в процессах ценностно-смыслового информационного капсулирования // Журнал политических исследований. - 2025. - № 3. - С. 51-60. DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-3-51-60.
13. Шарахина Л.В. Социальная архитектура как политическая технология создания гражданского нарратива // Медиалингвистика. - 2025. - № 12. - С. 885-889.
14. Шарахина Л.В., Ачкасова В.А. Новые векторы стратегических коммуникаций: социальная архитектура как актуальная повестка // Litera. - 2025. - № 10. - С. 1-10. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76091.
15. Шелистов Ю.И., Филь М.С. Институт социальной архитектуры в предметной сфере современной российской политики: риски и угрозы // История. - 2025. - Т. 16. - №7 (153). DOI: 10.18254/S207987840036345-8.
16. В рамках «Ночи выборов — 2025» состоялся круглый стол «Социальная архитектура: мода или стратегия». Российская ассоциация политических консультантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://rapc.pro/news/v-ramkah-nochi-vyborov-2025-sostoyalsya-kruglyj-stol-soczialnaya-arhitektura-moda-ili-strategiya/> (дата обращения: 01.12.2025).

17. Эксперты назвали социальную архитектуру «новой парадигмой мышления» Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/10/10/1145803-eksperti-nazvali-sotsialnuyu-arhitekturu-novoi-paradigmoi-mishleniya> (дата обращения 01.12.2025).
18. Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*. - 2008. - Vol. 11. - P. 303-326.
19. Hintjens P. *Social Architecture: Building On-line Communities*. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2016. 138 p.

References

1. Borisenkov A.A., Makarov A.V., Laikov M.A. Sotsial'naya arkhitektura kak novoe napravlenie deyatel'nosti otechestvennogo politicheskogo bloka. [Social architecture as a new direction of activity of the domestic political bloc]. *Voprosy politologii* [Political Issues]. 2025, V. 15, I. 3 (115), pp. 823-832. (In Russian).
2. Gadzhiev Kh.A., Shushpanova I.S. Politicheskoy dizayn obraza budushchego kak faktor sotsial'no-politicheskoy stabil'nosti Rossii. [Political design of the image of the future as a factor of socio-political stability of Russia]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Political Science. History. International Relations]. 2023, I. 3, pp. 154-169. (In Russian).
3. Grishaeva S.A., Shamaev P.A. Politicheskoe uchastie molodezhi v tsifrovoy srede [Political participation of youth in the digital environment]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology]. 2022, V. 5, I. 1, pp. 25-35. (In Russian).
4. Degterev D.A. Tsennostnyy suverenitet v epokhu global'nykh konvergentnykh media [Value Sovereignty in the Era of Global Convergent Media]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2022, V. 22, I. 2, pp. 352–371. (In Russian).
5. Ezhova E.N., Zamozhnykh E.A., Pobedinskaya E.A. Vzaimodeystvie organov vlasti s tselevymi gruppami: transformatsiya kommunikatsionnykh tekhnologiy v epokhu tsifrovizatsii (regional'nyy aspekt) [Interaction of Government Bodies with Target Groups: Transformation of Communication Technologies in the Era of Digitalization (Regional Aspect)]. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2022, I. 10(1), pp. 155–165. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-155-165> (In Russian).
6. Karpova V.V. Sotsial'naya arkhitektura kak instrument formirovaniya tsennostno-smyslovogo prostranstva tsifrovoy molodezhi Rossii [Social architecture as a tool for shaping the value-semantic space of digital youth in Russia]. In: *Rossiya i mir v pervoy chetverti XXI veka: politicheskie itogi i perspektivy: materialy Vserossiyskoy ezhegodnoy konferentsii RAPN* [Russia and the world in the first quarter of the 21st century: political results and prospects: materials of the All-Russian annual conference of the RAPN], eds. O.V. Gaman-Golutvina, M.M. Mchedlova, L.N. Timofeeva. Moscow, 2025, pp. 310-314. (In Russian).
7. Kondakova A.A. Tsennostnye orientatsii sovremennoy molodezhi i ikh rol' v formirovanii molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Value orientations of modern youth and their role in shaping the youth policy of the Russian Federation]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research]. 2023, I. 2 (10), pp. 116-122. (In Russian).
8. Minchenko E.N., Poletaev O.V. Sotsial'naya arkhitektura v rossiyskikh kompaniyakh [Social architecture in Russian companies] [Electronic resource]. Available at: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Doklad_o_luchshih_praktikah_kompanii_v_sfere_sot_s_arhitektury.pdf (Accessed: 01.12.2025). (In Russian).
9. Plotnikova M.V., Gagarin A.S. Kontsept «sotsial'nyy arkhitektor» v sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii (po materialam kontent-analiza ekspertnykh vyskazyvaniy) [The concept of "social architect" in socio-political communication (based on the content analysis of expert

- comments)]. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. 2025, I. 3 (111), pp. 258-263. (In Russian).
10. Svistunov A.A. Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh tsifrovizatsii: k postanovke problemy issledovaniya [Political socialization of youth in the context of digitalization: towards the formulation of the research problem]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2025, V. 25, I. 2, pp. 496-511. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511> (In Russian).
  11. Kharichev A.D. Sotsial'naya arkhitektura: ot nastoyashchikh zaprosov k budushchim gorizontam [Social architecture: from present demands to future horizons]. Grazhdanskaya tetrad' [Civic education notebook]. 2025, I. 12, pp. 4-10. (In Russian).
  12. Shakirova D.F. Osobennosti primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v protsessakh inkapsulyatsii tsennostno-smyslovoy informatsii [Features of artificial intelligence technology application in value-semantic information encapsulation processes]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of Political Studies]. 2025, I. 3, pp. 51-60. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-3-51-60> (In Russian).
  13. Sharakhina L.V. Sotsial'naya arkhitektura kak politicheskaya tekhnologiya sozdaniya grazhdanskogo narrativa [Social architecture as a political technology for creating a civil narrative]. Medialingvistika [Medialinguistics]. 2025, I. 12, pp. 885-889. (In Russian).
  14. Sharakhina L.V., Achkasova V.A. Novye vektory strategicheskikh kommunikatsiy: sotsial'naya arkhitektura kak aktual'naya povestka [New Vectors of Strategic Communications: Social Architecture as a Current Agenda]. Litera [Litera]. 2025, I. 10, pp. 1-10. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76091. (In Russian).
  15. Shelistov Yu.I., Fil M.S. Institut sotsial'noy arkhitektury v predmetnoy sfere sovremennoy rossiyskoy politiki: riski i ugrozy [The Institute of Social Architecture in the Subject Sphere of Contemporary Russian Politics: Risks and Threats]. Istoriya [History]. 2025, V. 16, I. 7 (153). DOI: 10.18254/S207987840036345-8. (In Russian).
  16. V ramkakh «Nochi vyborov 2025» sostoyalsya kruglyy stol «Sotsial'naya arkhitektura: moda ili strategiya» [A round table "Social Architecture: Fashion or Strategy" was held as part of "Election Night 2025"]. Rossiyskaya assotsiatsiya politicheskikh konsul'tantov [Russian Association of Political Consultants] [Electronic resource]. Available at: <https://rapc.pro/news/v-ramkah-nochi-vyborov-2025-sostoyalsya-kruglyj-stol-sotsialnaya-arhitektura-moda-ili-strategiya/> (Accessed: 01.12.2025). (In Russian).
  17. Eksperty nazvali sotsial'nuyu arkhitekturu «novoy paradigmoi myshleniya» [Experts called social architecture a "new paradigm of thinking"]. Vedomosti [Vedomosti] [Electronic resource]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/10/10/1145803-eksperti-nazvali-sotsialnuyu-arhitekturu-novoi-paradigmoi-mishleniya> (Accessed: 01.12.2025). (In Russian).
  18. Schmidt V.A. Diskursivnyy institutsionalizm: ob"yasnitel'naya sila idey i diskursa [Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse]. Ezhegodnik politicheskoy nauki [Annual Review of Political Science]. 2008, V. 11, pp. 303-326. (In Russian).
  19. Hintjens P. Social Architecture: Building On-line Communities. South Carolina, CreateSpace Independent Publishing Platform Publ., 2016, 138 p.